

Юрий КОТОВ

НА МАНЖЕТАХ МЕЛОМ

о дипломатических буднях без прикрас

Юрий Михайлович Котов

На манжетах мелом.

О дипломатических буднях без прикрас

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64089196

На манжетах мелом. О дипломатических буднях без прикрас. / Котов

Ю.М.: Человек; Москва; 2021

ISBN 978-5-906132-59-8

Аннотация

В новой книге Юрий Котов – Чрезвычайный и Полномочный Посол, Заслуженный работник дипломатической службы, продолжает рассказ о профессиональной деятельности и повседневной жизни дипломатов.

Как и в вышедшей ранее книге «Петух в вине, или Гастрономические воспоминания дипломата», серьезные сюжеты – вроде переговоров с талибами или бомбежек Югославии – перемежаются забавными бытовыми историями, изложенными автором с изрядной долей юмора и самоиронии.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Двенадцать лет спустя	7
А вы бывали в Самаре?	14
Интернатские будни и баскетбольные игры	25
Студенческие горы	35
Почти экзотическая Дагомея	44
И снова Африка	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Юрий Котов

На манжетах мелом.

**О дипломатических
буднях без прикрас**

Художник *Филипп Барбышев*

Фотографии из архива автора

© Котов Ю.М., 2021

© Издательство «Человек» издание, оформление, 2021

Двенадцать лет спустя

Так вот. Если вам, как истинному джентльмену, взбретет в голову делать записки на манжетах, вам придется писать мелом.

И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок

У моего любимого писателя Михаила Булгакова есть не очень известная (по сравнению с другими его произведениями) повесть «Записки на манжетах». Понимая, что мне до великого классика далеко, даже не как до Луны, а дальше, чем до загадочной звезды Бетельгейзе, я все же для своего очередного «творения» выбрал чуть схожее название, почерпнутое из вышеприведенного эпитафия – «На манжетах мелом».

Хоть я и не могу претендовать на звание «истинного джентльмена», думается, такое название к нему вполне подойдет. Впрочем, не мне судить – решайте сами. А начиналось все следующим образом.

В 2008 году вышел в свет мой многострадальный опус – «Петух в вине, или Гастрономические воспоминания дипломата». Посмотрел сейчас на дату издания и глазам своим не поверил. Боже ты мой, неужели с тех пор прошло уже больше десяти лет. Быть такого не может! Ведь кажется, что совсем недавно в свободные часы (а я в тот период занимался инспекционной работой, о которой тоже в дальнейшем пой-

дет речь) сажился за ноутбук и четырьмя пальцами набирал за день две-три странички. Затем переносил их на бумагу и, как привык за долгие годы своей бюрократической деятельности, уже тщательно сначала карандашом, а потом ручкой вносил необходимую, на мой взгляд, правку. Ну а затем отправлял их на просмотр собственному домашнему редактору – она же по совместительству законная жена.

Чуть более чем за год накопил таким образом аж триста шестьдесят пять страниц. Было даже и больше, но мой издатель и школьный друг Валера Штейнбах порекомендовал этим количеством ограничиться: мол, для такого рода книги это нормально, иначе будет перебор. Ну а затем мой «Петух» нашел довольно обширную читательскую аудиторию. У нас ведь пока еще не перевелись люди, которые и книжки читают. Увы, их становится все меньше и меньше. Но среди моих друзей, знакомых и просто неизвестных мне читателей таких оказалось немало. И очень многие из них настойчиво советовали мне: получилось весьма неплохо, давай продолжай в том же духе.

Я по натуре, жена не даст соврать, к дельным советам отношусь весьма внимательно (а вот тут усомнился – все та же благоверная одновременно считает, что это не всегда случается). Ну, да не буду сейчас вступать в дискуссию с ней и с самим собой по этому поводу. Главное, что прислушался и даже сел за написание новых мемуаров под предварительным заглавием «Записки наперсточника». Вот тут, видимо,

нужны некоторые комментарии.

Где-то около тридцати лет тому назад, находясь в какой-то очередной туристической поездке (в тот раз она была во Францию), зашли мы перед отъездом в сувенирную лавочку прикупить всякой мелочевки для подарков. Разного рода магнитики, тарелочки, рюмочки и прочую подобную дребедень (правда, надо учитывать, что тогда у нас в СССР, в отличие от нынешней России, всего этого добра еще не водилось). Среди прочего купили и парочку фарфоровых наперстков с видами Парижа. Потом заехали еще в какой-то город, а затем еще в один, другой и, таким образом, набрали несколько штук, которые решили оставить себе.

Дальше в деталях продолжать не буду. На сегодняшний день у нас на специальных подставках навешано более ста наперстков из фарфора, фаянса, стекла, металла, включая серебро, и чего-то еще другого. Причем – только с видами отдельных городов, а не стран вообще, не говоря уже о других сюжетах. Приобретение наперстков превратилось у нас в целый ритуал, с соблюдением определенных правил. Нельзя было, например, проезжая мимо какого-нибудь городка, остановиться на минутку у сувенирной лавки и купить тамошний наперсток (а они в Европе есть почти везде, а сейчас и у нас появились). Нет, надо было обязательно в этом городе или городке задержаться хотя бы на полчаса, посмотреть местные достопримечательности (одна из них обязательно будет на искомом сувенире), сделать несколько фо-

тографий и выпить чашечку кофе, пива, вина или виски – в зависимости от вкуса покупающих.

В итоге мы даже стали оценивать полученные впечатления от наших заграничных турне по количеству приобретенных наперстков. Например, было одно аж на двадцать одну штуку. Из Марокко мы отправились в отпуск сначала через юг Франции (посетили с десятков городов и городишек), затем из Парижа убыли в Страсбург, а оттуда проехали по симпатичным местечкам в Германии. Потом отправились в Португалию и из нее через Испанию вернулись на машине в Рабат. И все «очко» сувениров было заполучено праведно – в соответствии с вышеописанными нормами. Так что теперь, надеюсь, с названием предполагаемого очередного мемуарного «шедевра» стало понятней. Ну а дальше настала суровая правда жизни. Сел я снова за ноутбук и начал опять своими четырьмя пальцами тыкать разные буквы, чтобы сложить из них слова и фразы, описывающие наши посещения тех или иных (в основном достойных) мест. Увы и ах! Получалось все что-то вроде достаточно скучного туристического путеводителя. Ну никак не выходило у меня внести в него какие-то свои личные впечатления, не говоря уже о попытках добавить к ним чуть-чуть юмора. Написал, почитал – скучно. На этом я сие занятие и бросил.

А вот недавно сел я за кое-какую обработку своих довольно объемных личных архивов. У меня их из последних стран, где я служил уже послом, накопилось довольно много,

да и некоторые другие сохранились. И, как говорится, «музыка навеяла». Погрузился я в воспоминания о тех или иных событиях, как серьезных деловых, так и каких-то забавных. О своих встречах и знакомствах с множеством интересных людей (о них, конечно, немало рассказано в «Петухе», но все же можно бы и еще добавить). Одним словом, вновь вернулся к идее положить на бумагу что-то из того, что представляет интерес для меня самого, моих близких, друзей-приятелей, а, не исключено, и для более широкого круга потенциальных читателей.

Правда, сейчас, по прекращении своих инспекционных поездок и написании отчетов о них, за ноутбук я уже более двух лет не садился (имеется в виду печатание, а не пользование Интернетом), а посему, боюсь, такое тыканье даже двумя пальцами у меня не слишком получится. Поэтому сначала у меня родилась идея обзавестись диктофоном, чтобы в него излагать все, что придет в мою буйную головушку, а для дальнейшей перепечатки задействовать соответствующего специалиста. У меня такая знакомая симпатичная девушка Надя имеется, выразившая готовность взяться за подобного рода работу. В общем, пойти по пути, конечно, не моего любимого Жоржа Сименона с его «Я диктую» (заманиваться со своими скромными возможностями на какие-то сравнения с творением великого мэтра мне все же совесть не позволяет), а скорее одного персонажа из песни Владимира Высоцкого. Я имею в виду: «Лукоморья больше нет...», где

«Кот диктует в рототар мемуар». Вот с ним я готов и потягаться.

Сходили мы даже с женой в «М.Видео», присмотрели не слишком дорогой диктофончик, но от его покупки я все же решил пока воздержаться. Многие знакомые полагают, что я неплохой рассказчик. Не буду излишне скромничать (хотя врожденная скромность одно из моих немногих достоинств), но вроде бы, действительно, к моим устным байкам интерес частенько проявлялся. Но вот сел я на кухоньке, взял в руки телефон – в виде театрального реквизита – и попробовал в него что-то рассказать. Как-то не получилось. С живыми людьми могу, а вот с безликой машинкой, пусть и бутафорской, неестественно и вымученно все звучит. А посему решил не наносить дополнительного ущерба семейному бюджету и попросил жену купить в газетном киоске парочку хороших гелевых ручек. И экономия налицо, да и использовать их мне гораздо привычнее.

Ну и о последнем в этом кратком условном предисловии. Долго и мучительно размышлял, советовался с женой, как же мне все-таки композиционно построить мой гипотетический «мемуар». Ясно, что какое-то цельное изложение вряд ли удастся сделать. У меня, как представляется, в подобном контексте, извините за некую заумность, наличествует определенное «ассоциативное мышление». Начинаю о чем-то конкретном вспоминать, и сразу вылезают какие-то еще схожие истории, как в давние времена клопы из старого ди-

вана, конца-края которым не видно. Решил взять за основу хронологический порядок. Писать нечто вроде автобиографии в сильно растянутом варианте. И начать аж с самого детства, отрочества и юности, постепенно добираясь до молодых, а потом уж и зрелых годов. Но будут, разумеется, и совсем отдельные или «сквозные» сюжеты, посвященные той или иной тематике. Итак, приступаю к первому разделу.

А вы бывали в Самаре?

С чего начинается детство? И у меня сразу по ассоциации (я о ней уже успел упомянуть и, боюсь, еще не раз буду это делать) возникает любимый напев: «С чего начинается Родина?» Но, понятно, не «с картинки в твоём букваре». Ясно и ежу – оно наступает с момента рождения. Какой ни получается крохотный ребенок – а он уже живет и отсчитывает дни, недели, месяцы, годы, потом десятилетия, чтобы подойти к возрасту нынешнего «писателя».

Юридически и географически я не являюсь коренным москвичом. Хотя, как понимаю, зачат был именно в Белокаменной. Но на свет появился в сентябре 1941 года в славном городе Куйбышеве, куда были эвакуированы многие советские госорганы, включая и тот, где служил мой отец. А теперь некий экскурс в относительно недавнее прошлое – их, видимо, будет немало.

Так вот (мое любимое начало абзацев). Во время нахождения на посту российского посла в Марокко в Касабланке (та, о которой снят одноименный знаменитый фильм с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман) проходил некий загадочный форум международных социал-демократов. Посольство официально о нем не информировалось, и я лишь случайно узнал, что на него занесло и нашу немногочисленную делегацию во главе с тогдашним губернатором Самарской области

Константином Алексеевичем Титовым. Сейчас о нем слегка подзабыли, а в те времена он был довольно известной фигурой. Но дело даже не в этом. Коли уж появился во «вверенной» мне стране российский губернатор, я счел необходимым связаться с ним и пригласить на неофициальный обед. Что и было сделано.

Титов с удовольствием согласился. Послал за ним, а также его помощником и секретаршей машину и накрыл стол на свежем воздухе. Погода была теплая и комфортная. А где-то посреди застольной беседы он спросил меня: «А вы, Юрий Михайлович, бывали в Самаре?» Ответ мой был довольно невнятный: «Ну, как бы поточнее сказать? Вообще-то нет, за исключением того, что я там родился. Называлась она тогда, правда, городом Куйбышевым».

Как легко догадаться, о трех месяцах, которые я провел в этом городе, у меня не сохранилось ярких воспоминаний. Из рассказов родителей известно, что обнаружилась у меня за этот короткий срок жизни паховая грыжа. Орал я весьма привычно (может, у меня с тех пор и остался мой «левитановский» голос?). Носили меня на подушке на руках, а потом под расписку родителей прооперировали. Далее я о своем пребывании в нынешней Самаре ничего не знаю. В течение некоторого времени носило нас с мамой в эшелонах по городам и весям нашей обширной страны до тех пор, пока меня не сдали на руки родной и двоюродной бабушкам в деревню Водогино Вологодской области (родина мамы).

О своем пребывании там, а точнее о трех эпизодах из него, я знаю со слов своей бабушки – Александры Ивановны. С ней мне потом пришлось прожить более десятка лет и в Москве, и в Финляндии, и снова в Москве. По ее утверждениям, за мной числилось свершение следующих «подвигов». Отрубили как-то перед съедением курочке голову и бросили ее в густые заросли крапивы. И я якобы залез в эти жгучие чащи, отыскал куриную голову и потребовал немедленно пришить обратно. Была там однорогая бодливая коза, которую я вроде бы умудрился оседлать и катался на ней с криками: давай, лошадка! Двоюродная бабушка Еня (даже не знаю, какое у нее было полное имя, наверное, Евдокия?) работала конюхом в местной конюшне. Как-то она взяла меня с собой, на минутку отвлеклась по делам, а затем обнаружила меня мирно играющим между копытами жеребца с весьма строптивым нравом. С большой осторожностью и опаской пришлось ей извлекать из-под него не в меру шустрого внучонка.

И какой же вывод можно сделать из вышеописанного? – спросит заинтересованный читатель. А следующий – видно, что сызмальства я был приучен попадать во всякие сложные и опасные ситуации. Наверное, это пригодилось мне и в зрелые годы. Например, во время поездок под дулами автоматов на переговоры с талибами в Кандагар или под коврами бомбардировками натовской авиации в Косово на встречу с Ибрагимом Руговой (позже, я, разумеется, поведаю об этом

подробно и без потуг на юмор). А сейчас просто попытался в очередной раз пошутить.

Ну а теперь могу сослаться и на собственные, хоть и смутные воспоминания. По возвращении в Москву где-то ближе к окончанию войны жили мы некоторое время в большом сером доме на Преображенской площади, в многокомнатной коммунальной квартире, соседей по которой я не помню. Но зато в памяти у меня осталось, как бабушка ставит меня на подоконник, чтобы я смог посмотреть салют. Исходя из временного периода, с большой долей уверенности могу предположить, что это был салют Победы.

Через несколько месяцев после этого мы с мамой отправились в Хельсинки, где сразу после подписания мирного договора с Финляндией работал отец. Сначала в союзной контрольной комиссии по Финляндии, которую возглавлял генерал-полковник Григорий Михайлович Савоненков – он потом был некоторое время руководителем нашего посольства, куда вместе с ним и перешел на работу отец. На должность 2-го, потом 1-го секретаря, хотя служил-то он в совсем другом ведомстве (об этом сейчас открыто написано в Интернете – так что каких-то гостайн я не открываю), а точнее – во внешнеполитической разведке.

Отец стал резидентом этой службы в Финляндии, когда ему еще не исполнилось тридцати лет. Впоследствии он еще дважды находился в этой стране на той же должности, только «крыша» у него была чуть повыше – советник посольства по

политическим вопросам.

В тридцать восемь лет он был назначен заместителем начальника ПГУ КГБ СССР (нынешняя СВР), курировавшим европейское направление. Был первым начальником (фактически создателем) управления «Р» (оперативное планирование и анализ). Ушел из жизни в 1993 году. В музей СВР (допуск туда имеют даже не все сотрудники этого ведомства) я сдал все его многочисленные ордена, которые расположены в отдельной витрине. В том же зале вывешена большая фотография генерал-майора Михаила Григорьевича Котова с подписью о его вкладе в становление дружеских советско-финских отношений. На мраморной стеле, где выбиты фамилии обладателей знака «Почетный чекист», он числится под третьим номером.

В той же службе трудилась и мама – официально в отделении Морского регистра, а на самом деле в резидентуре МГБ. Вместе с московским периодом проработала она в системе восемь лет, ушла в отставку в звании то ли старлей, то ли капитана госбезопасности, награжденная несколькими военными медалями. Это, кстати, объясняет и причину, по которой в Финляндию разрешили выехать моей бабушке – со мной-то, бедолагой, сидеть было некому, а интересы дела требовали, чтоб и мама трудилась на своем посту.

Сейчас я листаю старый альбом родителей с массой черно-белых любительских фотографий. По нынешним временам они весьма неважного качества и демонстрируют в

основном различные сценки досуга. Вот дача, которую мы делили с семейством Шустиковых, в которое входили мои друзья Сашка и сестры-близняшки Ира и Наташа, а также их мама – тетя Дора, которая любила приговаривать: уважайте меня хотя бы за то, что я вешу сто четыре килограмма. Вот я с отцом на рыбалке (он был классный спиннингист, и с друзьями они добывали за один заход полный багажник больших щук). А вот мы с ним катаемся на лыжах по заснеженному Хельсинки.

Совсем нет фотографий городской квартиры, но я и так ее прекрасно помню – уезжали мы из нее, когда мне исполнилось почти восемь лет. В силу служебной деятельности отца это была очень большая «представительская» квартира из шести комнат. Гостиная и столовая с раздвижными стенами, превращающими их в огромный зал, по которому я ездил на велосипеде. Спальня родителей, детская, где я спал с бабушкой, пустовавшая комната для прислуги. Был и кабинет с большим количеством книг, происхождение которых следующее.

Какой-то эмигрант первой волны распродал свою обширную библиотеку сотрудникам нашего посольства. Желающие приобрести выстроились в живую очередь и заходили за покупками по одному. Отец был четвертым. Мне довелось видеть книги у того, кто был третьим. В два раза больше, чем у родителей, хотя и им досталось немало – почти вся русская классика (за исключением Пушкина, Чехова и

еще некоторых писателей). Прекрасно изданная – вся, разумеется, в дореволюционные времена. Кое-какая часть из них стоит сейчас в нашей квартире: полные собрания сочинений Грибоедова и Гоголя 1889 года издания, Тургенева -1898 года, Гончарова – 1899 года и некоторые другие, изданные уже в начале прошлого века.

С этими дореволюционными изданиями связана небольшая история из моей биографии. Кроме летнего периода, когда на даче я общался со сверстниками, остальное время в городе я оставался в основном в обществе бабушки (а она, кстати, была неграмотная и даже вместо подписи ставила крест). Но где-то к пяти годам мама научила меня читать. И многие книжки, почему-то мне, в частности, запомнились произведения ныне забытой Лидии Чарской, я читал в старой орфографии, со словами, оканчивавшимися твердым знаком и содержащими прочие ижицы и яти. Читал я, конечно, в основном книги для детей, хотя, например, и вышедшую в 1946 году «Молодую гвардию» Фадеева одолел еще до поступления в школу. К коей мы теперь и подошли.

В 1949 году наша семья вернулась в Москву. Поселили родителей на временной основе в служебной коммуналке в доме номер 10 на Фрунзенской набережной в одной комнате. Ну а меня направили учиться в школу номер 24 рядом со станцией метро «Парк Культуры». Перед этим встала дилемма: в какой класс меня отдавать? Мне только что стукнуло восемь лет, хотя в те времена многие первоклашки были

такого возраста. Но, как понятно из вышеописанного, делать мне в первом классе было совершенно нечего, да и арифметикой я владел тоже прилично. И все же из-за фактора отсутствия у меня большого опыта общения со сверстниками было решено отправить меня на начальную стадию обучения. Потом родители, по-моему, и сами сожалели о принятом решении. На уроках, когда остальные учили, «как мама мыла раму», я с разрешения учительницы читал книжки, а иногда даже немного ассистировал ей в преподавании, занимаясь с особо отстающими.

Прошел год, и мы наконец переехали на постоянное место жительства. Отцу дали две комнаты в коммунальной квартире во вновь построенном доме на 2-й Песчаной улице. Всего их там было четыре. В самой большой жила семья из пяти человек: отец (майор МВД), мать и трое детей. В другой был прописан коллега отца с женой и дочкой. Но он почти весь период нашего обитания находился в загранкомандировке, поэтому там проживала его теща – очень милая женщина. Да и вообще обитали мы в коммуналке в самой теплой атмосфере. Какие там склоки или дразги, только дружеское общение и взаимовыручка, когда требовалось.

Отрядили меня в новую, 144-ую школу на Новопесчаной улице (относительно недавно выяснилось, что в ней позже учился и мой сподвижник по работе Алексей Федотов, о котором еще будет сказано немало добрых слов). Располагалась она довольно далеко от дома, думаю – поболее километ-

ра, но представляла собой солидное здание из красного кирпича, с комфортабельными классами. Учился я в ней второй и третий классы, а потом ее закрыли на ремонт и меня снова на год перевели в другую, а затем вернули в прежнюю в пятый класс. Посмотрел в Интернет, в котором, как считается, есть все, хотя и неточностей иногда немало попадает. Выяснилось, что сейчас это школа номер 1384, специализирующаяся на математике и электронике, носит имя Александра Алексеевича Леманского. Сам он был Генеральным конструктором «Алмаза», руководителем работ по созданию С-400. Но ведь самое удивительное, он закончил ее с золотой медалью в 1953 году, когда я еще учился там в том самом пятом классе. Вот ведь, оказывается, с какими людьми в коридорах на переменах доводилось, видимо, встречаться. Но кто ж тогда об этом знал.

Ну, а затем произошла революция – объединили мужские и женские школы, и в шестой класс я отправился в соседнее с домом здание – бывшую женскую.

Теперь продолжу еще немного о детстве, так и не установив для себя окончательно, когда же оно закончилось и началось отрочество. Вкратце о повседневном быте.

Расскажу о наших двух комнатах. Гостиная, она же столовая: диван, где спала бабушка, в углу мой секретер, два книжных стеллажа, круглый стол, а над ним большой оранжевый абажур. Под ним бабушка – хронический астматик, свертывала и курила вонючие «папироски» астматин. А в

редкие вечера, когда пораньше возвращался со службы отец, мама читала нам вслух рассказы Зощенко, над которыми мы смеялись до упаду. Спальня: кровать родителей, шифоньер, моя кроватка, привезенная из Финляндии. Потом на ней спала сестра Лена, а затем уже на Фрунзенской и моя дочь Юля.

Сестрица моя родилась в феврале 1951 года. Ну а меня в момент ее появления на свет угораздило заболеть корью. Это, как я себе и теперь представляю, был подлинный бедлам. У меня температура сорок, а тут еще и прибытие нового семейного пополнения. О своем выздоровлении вспоминаю то, что мне для восстановления сил прописали рюмку кагора в день, у меня была даже соответствующая собственная бутылка. Вот вы говорите – гены. Нет уж, привычки, оказывается, возникают с детства. А у меня его (детства) практически не было, как я иногда шутливо говорю. Благо чуть позднее мама постоянно мне говорила: Юрик, пойді погуляй с сестренкой. И я тащился вниз с ее коляской. Я и сейчас периодически ей об этом напоминаю.

Что еще можно вспомнить о детстве? Наверное, весенние переезды на дачу. Своей тогда у родителей не было, и они снимали пару комнатушек в домиках в ныне фешенебельном, а тогда не очень местечке под названием Жуковка. Вряд ли сейчас в этом элитном поселке можно отыскать хотя бы одно хозяйство, из которого нам в те времена обязательно по утрам приносили бидон с только что надоенным молоком. Выбирались на дачу весьма основательно с многочисленным

скарбом, включая и некоторые предметы мебели. Для этих целей нанимался аж открытый грузовичок, в кузове которого мне разрешалось сидеть. Это было упоительно. В Жуковке самым интересным были походы на Москву-реку. Со взрослыми – купаться, с друзьями-приятелями – на рыбалку. Ловили в основном мелочевку, чаще всего уклейку, которой икота не накормишь, но у нас такового и не было.

Ну а потом настал 1953 год, когда родители, прихватив с собой сестру, вновь уехали в очередную командировку в Финляндию. Я тогда перешел в пятый класс (до этого был круглым отличником) и остался вдвоем с бабушкой. Дела с учебной пошлись похуже, плюс и с дисциплиной (виноват, в похвальных грамотах раньше писалось чуть иначе – «примерное поведение») тоже возникали кое-какие проблемы. А через год еще и объединение с девочками. Тут уж, видимо, о детстве говорить не приходится и надо переходить к отрочеству и юности. Я, увы, далеко не Лев Толстой и в отдельные разделы их выносить не буду. А посему очередная глава будет называться следующим образом.

Интернатские будни и баскетбольные игры

Начать ее придется с того, что к концу шестого класса бабушка стала сильно уставать со своим весьма шепутным внуком. И к очередному приезду родителей в отпуск напрямик им об этом сообщила. После долгих размышлений было принято непростое решение отправить меня в интернат № 2 (№ 1 был женский) МИД СССР, расположенный на Большой Почтовой улице. Но там я провел поначалу всего несколько часов до посадки в автобус, который вывозил воспитанников (так мы официально назывались) в летний лагерь где-то в районе города Пушкино. Со мной рядом сидел сосредоточенный сверстник, бережно держащий на коленях жестяную банку из-под леденцов монпансье. Как выяснилось, в ней находились крючки, грузила, поплавки и прочая мелочь для удочки. Как известно, рыбак рыбака видит издалека. На этой тематике мы со Славой Божановым и сблизились, а затем подружились аж на срок более шестидесяти лет. Через несколько дней пребывания в лагере меня неожиданно вызвали к директору. У него в кабинете сидел еще один отрок в сопровождении мамы. «Вот, Юра, – сказала она, – это наш сын Валера. Ваши папы хорошо знают друг друга, надеюсь, что и вы тоже подружитесь». Так я приобрел еще одного друга

– Валеру Елисеева.

Коротенько о первом интернатском лете. Со Славкой ловили карасей в пруду близлежащего санатория, где также воровали (нет, это неправильно), скажем, собирали никому ненужные лишние яблоки. Начал играть в баскетбол, чем потом занимался добрый десяток лет. Впервые дебютировал на «театральной сцене». В какой-то доморощенной пьеске сыграл главную роль первопечатника Федорова, зачем-то спустившегося со своего памятника, что на площади Революции, после чего пожинал лавры своего творческого успеха – на торжественной вечерней линейке мне было поручено под звуки горна спустить государственный флаг.

Но вот лето закончилось, и мы вернулись на Большую Почтовую. «Интернат, серый дом с большим сс-ым (прилагательное от глагола писать в более вульгарной форме) пятном» – так это пелось в нашем «гимне», слов из которого я больше не запомнил. О распорядке дня и нашей голодной жизни там достаточно подробно описано в «Петухе в вине». А повторяться я не люблю (кто не читал этот опус, может и сейчас найти его в Интернете). О чем еще можно упомянуть? Как только исполнилось четырнадцать лет, вступил в комсомол и уже в этой ипостаси возглавил пионерскую дружину интернатовской организации (с тремя красными полосками на рукаве – это вам не хухры-мухры).

Ну да ладно, вернемся в наш серый дом. Что особо запомнилось из проведенных в нем двух с половиной лет? Прежде

всего, наверное, дух коллективизма. В соседней школе, где мы учились, «мужская» часть в основном делилась на «интернатских» и «бараковских». Последние нас не сильно жаловали и частенько нарывались на стычки. Но мы всегда ходили группами и в случавшихся рукопашных схватках за себя постоять могли. А у нас были достойные бойцы, как, например, Юрка Андрищенко по кличке «армян» – за свою смуглую внешность, который уже тогда серьезно занимался боксом, а в более зрелые годы стал призером чемпионата СССР в этом виде спорта.

Или еще другое. В наших «дортуарах» (на всякий случай заглянул в словарь Ожегова – все правильно, именно так называлась «общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях»), помимо кроватей с тумбочками, имелись еще стенные шкафы с навешанными в них вперемежку не слишком уж многочисленными шмотками. Когда надо было приодеться, чтобы пойти на свидание с девочками (это были весьма целомудренные встречи, и все же...), спокойно залезали в шкаф, особо не интересуясь, кому именно принадлежит приглянувшаяся вещь.

Помимо мыслей о еде (учеба находилась на последнем месте), другими нашими устремлениями стали различные виды спорта. У нас был замечательный физрук Борис Александрович. Он приобщал нас ко всему: гимнастика, акробатика (это были мои самые слабые дисциплины), волейбол, борьба, лыжи, баскетбол (в последних двух я занимал не последние

места). В итоге нас с Валерой и Славой после прохождения «экзамена» даже приняли в юношескую команду спортклуба «Локомотив», за который мы поиграли пару лет. Вдобавок ко всему у нас в интернате сначала установили бильярдный стол, а затем оный же для настольного тенниса.

Бильярд заслуживает отдельного отступления. Мы играли в него исступленно, частенько после отбоя ко сну. Имитировали быстрое засыпание, чтобы дежурная нянечка также отправилась на заслуженный отдых, а сами через какое-то время устремлялись в бильярдную комнату. В итоге насобачились мы в этой азартной игре весьма неплохо. На зимние каникулы нас вывозили в лагерь при мидовском санатории в Чкаловское. Жили мы в отдельных домиках, а питались вместе со взрослыми сотрудниками в основном корпусе, там же, где находилась и бильярдная. Естественно, мы туда заглянули и, более того, спросили у взрослых дядечек: а нельзя ли и нам к ним присоединиться? Кто-то возмущенно сказал: да вы что, небось сукно порвете. Но нашлись и добрее: ну пусть мальчишки после нас поиграют. Мы встали в очередь и, когда она дошла до нас, выставили нашего интернатского чемпиона (он был из старших классов, но росточка весьма маленького). Играли «американку» (поясняя для несведущих – в ней для победы надо положить в лузы восемь шаров). У наших соперников на партию уходило пятнадцать-двадцать минут. Ну а тут вышел наш лидер (я сложил шары в пирамидку на его любимое расстояние), поме-

лил кий, послал с разбивки первый шар в правую лузу, а затем и очередные семь шаров по назначению. На этом игра и закончилась. После чего начали играть и остальные члены нашей команды. Итог был следующим: взрослые оппоненты, полностью признав наше превосходство, попросили нас сражаться между собой, оставив им время и на собственные разборки.

Упомянул о пинг-понге. До того как нам поставили соответствующий стол и выдали ракетки и шарики, я и не подозревал, что это за штука такая и как в нее надо играть. Но был среди наших воспитанников этнический кореец Ким. Он нас и обучил всем премудростям, включая хватку рукоятки ракетки, не так, как у нас в основном было, то есть зажимая ее пятью пальцами в руке, а «пером» – только между большим и указательным. Тогда так играли все азиаты, а для нас, как выяснилось, это была диковинка. Стилль это чисто наступательный – главное, сильные удары, а оборона остается вторичной. Так я потом всю жизнь и играл, по молодости получалось неплохо, а потом пороху стало не хватать.

На этом я, пожалуй, с интернатом закончу и перейду к следующим годам. А точнее к девятому и десятому классам, когда вернулись родители из командировки и я вновь оказался в семейном лоне. Поселились мы в то время в первой отдельной двухкомнатной квартире на проспекте Мира. Ну и пошел я в очередную новую школу. Правда, проучиться мне в ней поначалу пришлось весьма недолго. Приступил к

учебе, как и положено, 1-го сентября. Познакомился с соучениками (здесь, видимо, неточность, ибо их было человек пять, а остальные – соученицы, которых насчитывалось около тридцати). А через несколько дней загремел на долгое время в ведомственный госпиталь отца на Пехотной улице. История моей больничной эпопеи следующая.

Поднялась температура, слева на внутренней части бедра появился какой-то желвак или опухоль, на которую поначалу пришедший врач не обратил внимания. А потом мама, проштудировав многостраничный справочник фельдшера (так он, кажется, назывался), сама поставила диагноз – лимфаденит. Он, голубчик, и оказался. Возник он следующим образом. Незадолго до этого я в последний раз играл в баскетбол за сборную интерната в новых кедах, которыми стер ногу. Ну и попала какая-то инфекция. Первый раз оперировали меня под местным наркозом, который почему-то не слишком сработал. На всю жизнь запомнил, как я левой рукой вцепился в металлический бортик стола, правой ее выкручивал, а последнюю кусал зубами. Пот тек ручьем, и заботливая медсестра, вытирая его, только приговаривала: ну, потерпи еще немного, голубчик, скоро все кончится.

Скоро все, однако, не кончилось. И после операции температура перла вверх – все время где-то под сорок. И вот день рождения – мне исполняется шестнадцать лет. Лежу в полусознательном состоянии. А по палатам проходит осмотр приглашенного известного хирурга из Минобороны. Дошел

он и до меня. Посмотрел, спросил: операция свободна? Отвезите туда мальчика, я сам прооперирую. Вот эта операция была уже под общим наркозом и никаких воспоминаний не оставила. За исключением того, что мэтр работал «с размахом», чтобы не оставить никакого источника дальнейшей инфекции. Поверхность раны он мне оставил где-то в двадцать пять квадратных сантиметров (может, вру, но у меня в памяти осталась именно эта цифра). Ну а то, что ее не зашили, а тампонировали – это непреложный факт. Каждая процедура извлечения приставших ватных тампонов тоже была похожа на мини-операцию. А так, когда постепенно пришел в себя, отходя от наркоза, то первым делом увидел склонившихся надо мной родителей. Принесли они и подарок – снятые отцом с себя часы «Омега». Провалился я в госпитале где-то несколько недель. Несколько раз приходили меня навещать и делегации из школы. Наверное, их посылала дирекция, но почему-то это были только девочки.

Время лечит. И в прямом, и в переносном значении этого выражения. Вот и я вернулся домой и снова пошел в пока еще мало знакомую мне школу. И вновь ненадолго. Не знаю от чего (врачи в популярных сейчас медицинских телепередачах, конечно, объяснят), но у меня начался жуткий фурункулез – с десятков язв вокруг моей так еще и не зажившей раны. И опять отправился на Пехотную. В итоге почти все первое полугодие в школе я пропустил. Возникал даже вопрос – а не оставить ли меня на второй год? Но в конце

концов все обошлось. Рана зажила, а учебу я кое-как наверстал. Хотя недавно как-то в разговоре с женой упоминал: что же эта за часть математики такая – тригонометрия? Ну никогда я не знал, чем отличается косинус от тангенса (сейчас, правда, когда они мне попадаются в кроссвордах, я с ними справляюсь).

Помимо потуг взяться за пропущенное усвоение школьных знаний, вернулся к старому – любимой игре в баскетбол. Вышел я на площадку с еще не до конца зажившей раной – бегал практически на одной ноге. Ну а когда после игры перетягивал бинтовку (она у меня была через пояс и по всему бедру и частенько в крови), некоторым коллегам было как-то не по себе. А затем, не знаю, откуда, ведь Интернета тогда еще не было, узнал, что МЭИС (Московский энергетический институт связи) набирает юношескую команду. Им это было необходимо, чтобы играть в высшей вузовской лиге. Собрал своих орлов по школьной команде, а я был в ней абсолютный лидер, и нас почти всех приняли, а меня избрали капитаном. Маме пришлось нашивать полосочку над цифрой 4, под которой я играл, обозначающую этот статус. Кстати, когда я, поступив в МГИМО, пришел на «смотри» в баскетбольную сборную института, то обрядился именно в эту майку. И последнее про баскетбол. Когда я уже перешел в десятый класс, из соседней школы – чемпиона Москвы в этом виде спорта – пришло приглашение перейти на учебу к ним, ну и, естественно, играть за их команду. Я, разумеется, воспринял это

с энтузиазмом, но родители были непреклонны: хватит уже, наменялся школ.

Пришлось мне ходить, а точнее ездить в прежнюю. Дело в том, что отец по возвращении из Финляндии пошел на повышение по службе – был назначен заместителем начальника 1-го Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка, нынешняя СВР). А посему получил новую, уже трехкомнатную квартиру на 3-й Фрунзенской улице. Весьма далековато это было от Проспекта Мира. Но, что поделаешь, родители решили, что коней на переправе, равно как и школы в выпускном классе, не меняют. Так что пришлось мне по два часа тратить на дорогу туда-обратно. Да еще приходилось раза три в неделю заезжать на Лубянку в клуб имени Феликса Дзержинского, где я дополнительно занимался английским языком с преподавательницей, служившей в системе отца.

Ну а так, что рассказать о десятом классе? Появился у нас новичок – Валера Штейнбах, с которым мы быстро подружились. Он внес в жизнь нашего класса определенное оживление – создал нечто вроде собственного артистическо-драматического кружка. Подобный существовал и раньше в рамках всей школы, руководила им учительница математики. Но мы были самостоятельны и в некотором роде конкуренты. Так, например, организовал Валера вечер, посвященный творчеству Маяковского. Я в нем принимал довольно активное участие: играл роль Победоносикова в пьесе «Баня» (с подложенной под гимнастерку подушкой для создания соот-

ветствующего живота, собственного тогда у меня и близко не было), а также читал стихотворение о советском паспорте: «Я волком бы выгрыз бюрократизм...»

Был у нас свой маленький, уже внеклассный кружок любителей поэзии. Чаще всего собирались на квартире Володи Ошанина (вроде бы родственника известного поэта Льва Ошанина), который и сам писал стихи (может быть, вирши, но тогда так не казалось), один из которых был посвящен и мне. В это же время Валера впервые познакомил меня с песнями Булата Окуджавы, горячим поклонником которого он был. Месяца не проходило, чтобы он не прибежал ко мне со словами: «Юра, слушай, вот новое произведение Булата!» Сам он зато недавно вспомнил, что я в свою очередь впервые приобщил его к творчеству Высоцкого. Примерно представляю, откуда это могло быть, но деталей не помню. Вот она – та самая избирательная память. Несколько позже родители Валеры переехали в квартиру на площадь, ныне носящую имя Юрия Гагарина. Располагалась она на другом берегу от нашей, но по метромосту (именно тому, где происходила финальная сцена популярного сериала «ТАСС уполномочен заявить») мы ходили на встречи друг с другом пешком. На сем, пожалуй, с этим разделом воспоминаний завершу и перейду к следующему.

Студенческие горы

1959 году я более или менее удачно завершил учебу в средней школе. Менее – поскольку, сдав все выпускные экзамены на «отлично», умудрился получить трояк по химии, что лишило меня потенциальной надежды получить серебряную медаль. Впрочем, мой друг Валерий Штейнбах вообще завалил ее. Сейчас нашей, давно уже почившей химичке, наверное, было бы неловко: что ж она так обошлась с в будущем весьма незаурядными учениками. Валера уже давно доктор наук и профессор, журналист и писатель (издал на сегодняшний день около пятидесяти книг), крупный издатель, опубликовавший и моего «Петуха» (а так хочется надеяться, что, если я осилю и этот опус, хотя вряд ли, то он издаст и его). Ну да ладно, вернемся к моей «матерной альме» (она же альма-матер).

МГИМО в те времена представлял собой весьма скромный по количеству учащихся ВУЗ, абсолютно не сравнимый с нынешним монстром. Было в нем всего два факультета: международных и международно-экономических отношений, на каждом курсе которых училось где-то около двухсот человек, включая иностранцев. Основной состав абитуриентов, а затем и студентов, составляла молодежь, прошедшая армию или производство. Школьников было меньшинство, а большую часть из них составляли выпускники спец-

школ с языковым уклоном, в основном с английским языком. На факультете международных отношений было два отделения: западное и восточное. В последнее и попадали чаще всего бывшие «спецшкольники» – они уже вполне сносно владели одним языком и принимались осваивать всякие арабские, африканские, азиатские и прочие премудрости. Я в эту категорию не входил и посему был определен на западное отделение во французскую группу. Нас в ней вместе с иностранцами было восемнадцать человек, из них школьников кроме меня лишь еще один – Гена Смаль.

В первые же дни учебы я очутился в знакомой мне атмосфере спортзала. Был приглашен на «смотрины» тренером институтской сборной по баскетболу. Как сейчас помню, что явился я на нее в той самой упомянутой маечке с номером 4 и нашитой над ней капитанской планке. Поставили меня в пару с одним из лучших баскетболистов команды Славой Корзелевым. Поборолся с ним немного, конечно, играл он намного лучше меня, но все же в сборную меня зачислили. И четыре года по пять вечеров в неделю я проводил на баскетбольном поле. Тренировки, товарищеские и официальные игры (случилось даже, что играли как-то раз на Малой арене в Лужниках).

Ну а с тренировками связана одна занимательная история, о которой хотелось бы поведать. На физподготовке мы были разбиты на пары, когда отрабатывали с партнером те или иные упражнения. Было среди них и такое, которое называ-

лось «качать соль» – по очереди закладывали друг друга на спину и, обливаясь потом, приседали, вставали и так до полного изнеможения. Моим партнером по этим забавам был однокурсник болгарин Христо Миладинов. После института я с ним больше не встречался.

И вот прошло более тридцати лет. Будучи директором департамента и членом коллегии МИД, я получал приглашения почти от всех посольств в Москве на приемы по случаю национальных праздников. Правда, ходил на них крайне редко, только к тем странам, которые курировал. Но тут как-то отправился на крупное протокольное мероприятие, видимо, был повод. И вот подходит ко мне человек средних лет (а я и сам был таким) и говорит: «Здравствуй, Юра, как поживаешь?» Причем ни малейшего акцента у него не было, поэтому я был уверен, что это кто-то из наших, о котором я подзабыл. Что-то начал лопотать, типа, мол, припоминаю, но вот не могу сообразить, где мы встречались. И слышу в ответ: «Ну, а как «соль качали» помнишь?» Тут уж я ахнул: «Христо, дорогой, сколько лет, сколько зим!» Обнялись, по-рассказывали друг другу вкратце о своих хождениях по дипломатическим стежкам. Христо Миладинов в это время был послом Болгарии в России, а до этого заместителем министра. Договорились встретиться, но вскоре после этого я уехал в Югославию, так что – не привелось.

Следующим памятным событием, случившимся на первом курсе, стала одна прискорбная история, которая тоже бу-

дет иметь сквозной характер. Отец был в командировке в Австрии во время визита туда Хрущева. Ну, и как положено было в те времена, привез «из-за бугра» подарочки и сувениры домочадцам. Мне достались шикарные ботинки и несколько мелочей, включая три брелка для ключей (тогда у нас это были диковинки). Один из них представлял собой колоду карт размером примерно сантиметр на полтора в плетеной упаковочке. Остальные я подарил, а этот оставил и таскал его с собой. И вот, представьте себе, следующую картину.

Общая лекция по географии для всего курса. В самой большой аудитории, где за длинными столами сидят по пять-шесть студентов. Со мной рядом Света Фурцева – дочка Екатерины Алексеевны Фурцевой, по соседству с ней болгарин – сын замминистра иностранных дел, и еще одна малоизвестная студентка. И вот угораздило меня зачем-то этот самый брелок с ключами вытащить. «Ой, что это такое, – спросила Света, – это такие картишки игрушечные? А давай в них сыграем в подкидного дурачка». «Некогда мне ерундой заниматься, – ответствовал я, – у меня еще домашнее задание по французскому языку не выполнено». В итоге побаловались этими мини-картами трое моих соседей. Кто из них выиграл, не знаю, а вот проиграли мы все, и по-крупному – это факт.

В тот же день в деканат ушла анонимочка (а может, и подписана она была, об этом не разглашалось) примерно следующего содержания: в то время, когда простые советские

студенты внимательно слушают лекцию по географии, дочка Фурцевой с еще одной парочкой играет в карты. Прошло быстрое расследование, обвиняемая троица свой проступок признала. Немедленно было созвано комсомольское собрание курса. Пообсуждали, попорилицаи без особого энтузиазма и вынесли решение о постановке всем троим на вид (без занесения в карточку). И тут вдруг какой-то правдоборец спрашивает: а почему-то это всем им взыскание одинаковое? А карты в институт кто из них принес? Встает Света и говорит: это я. Я-то сам сижу «рядовым» среди всех присутствующих, поскольку в доносе не фигурировал, да и на самом деле в картишки не играл. Но тут уж во мне выиграло мое, присущее с детства, чувство справедливости (или задатки будущего «джентльмена»?). Пойдите, говорю, друзья, эти так называемые «карты» в брелке для ключей принес я. Мой благородный поступок не был оценен. И по комсомольской, и по административной линии (выговор, который попал в личное дело) нам вlepили всем четверым. А в стенгазете «Международник» (я позже входил в ее редакцию) на большущей заставке была опубликована карикатура на картежников с первого курса.

Но вот, как и история с Христо Миладиновым, эта тоже имеет свое продолжение. Света Фурцева со второго курса из МГИМО ушла, и больше я ее особо не вспоминал. И опять прошло около тридцати лет. Был я как-то приглашен на дружескую вечеринку к чете Тереховых: Наташе и Вален-

тину (последний – крупный ученый-экономист, у которого, в частности, учился Егор Гайдар). Поинтересовался у них: кто там еще соберется? Назвали несколько имен и среди них – Света Фурцева. Я попросил хозяев посадить нас рядышком. Света несколько задержалась и появилась уже тогда, когда застолье началось. Но место рядом со мной ей было зарезервировано. Представлять нас особо друг другу не стали, и какое-то время мы мирно выпивали и закусывали. И тут я внезапно обращаюсь к моей соседке: «Светлана, а может быть, в картишки перекинемся?» Она ошарашенно вздрогнула, попыталась отодвинуться от какого-то не то чудака, не то... И только и произнесла, что ни в какие карты не играет. «Вот как, – сказал я, – ну извините, а вот помнится, в студенческие годы вы это с удовольствием делали». Света опешила, повнимательнее посмотрела на меня и с криком: «Юрка!» бросилась мне на шею. Потом мы ушли с ней в спальню и добрый час рассказывали друг другу, что за эти десятилетия с нами произошло.

После того как мой цензор, она же законная супруга, прочитала вышеприведенные эпизоды, у нее возник вопрос: раздел озаглавлен «студенческие годы», а о самой учебе почему-то ничего нет. Ей, как химику, технарю, наши гуманитарные, да еще и со спецификой МГИМО, предметы не очень понятны. У нас ведь и одним из госэкзаменов была «История КПСС», а на протяжении курсов истмат, диамат, разумеется, и история международных отношений, но тоже на суро-

вой идеологически выверенной основе. Кстати, никаких даже азов дипломатической службы, как это последние годы (может быть, десятилетия) делается в нынешнем Университете (МГИМО), нам не преподавали. Единственным практически необходимым в последующей службе предметом был иностранный язык. В моем случае – французский.

До сих пор одним из лучших учебников языка Вольтера, Гюго или, скажем, Бальзака остается книга И.Н. Поповой и Ж.А. Казаковой. Обе они были нашими преподавательницами. Первые два курса вела Попова. Она была сухой, жесткой и фанатичной поклонницей французской грамматики, со всеми ее страдательными залогами, сложной системой времен и прочими премудростями, которыми она долбала нас пять дней в неделю. Для меня это была мука, и, соответственно, числился я далеко не в лучших учениках (на втором курсе даже получил «неуд»). Но зато я после какого-то времени освоения нового языка принялся за чтение французских книг. Нет, упаси боже, не Руссо и не Жана Поля Сартра, а самых простеньких детективов, зачастую даже переводных – особенно Агаты Кристи. Читал я их по вечерам, естественно, со словарем, ибо у нас тексты были типа уже упомянутой «Мама мыла раму» – «Март ва а ля гар» – какая-то загадочная Марта почему-то идет на вокзал, затем еще и пересекает площадь – «э траверс ля пляс».

Ну а потом грянули третий и четвертый курсы, когда мы перешли под крыло Жоржетты Александровны (по маме –

урожденной француженки). С нами она занималась разговорным языком. И к всеобщему удивлению выяснилось, что по части лексического запаса я оторвался весьма далеко от моих сокурсников. Одним словом – из отстающих вышел в передовики.

О лекциях, семинарах и прочих студенческих буднях мне вспомнить особенно нечего. Если только о парочке курсовых работ. Одна из них называлась примерно так: «Особенности национального характера французов». Это не точное наименование, но смысл сочинения отражает. В поисках необходимых сведений обратился за содействием к отцу. И он мне вскоре ничтоже сумняшеся принес небольшой материал, как я понимаю, из тех, что используется в преподавании в его специфических учебных заведениях. Там вкратце изложена была вся правда-матка о национальном характере французов. Тогда я с ними еще знаком не был, а позднее всегда недоумевал: как же такие в большинстве своем скаредные, серенькие людишки могли создать такую великую культуру. В общем, состряпал я на его основе свою курсовую работу, которая вызвала шок на французской кафедре. Как же так, а где же Кола Брюньон (из не читанного мною Романа Роллана) или, на худой конец, мадам Бовари от Флобера? Но, с другой стороны, юридически придраться было особо не к чему, поэтому ограничились оценкой «хорошо». На следующем курсе и опять же с помощью отца с курсовой получилось гораздо лучше. Посвятил я ее конституционному строю

Пятой Республики (она во Франции и по сей день). На этот раз отец принес мне недавно изданную в Париже на эту тему книгу известного французского юриста. У нас она была еще неизвестна, и я, внимательно проштудировав солидный том, составил, по сути, его краткую аннотацию. Руководитель моей работы – на тот период рядовой сотрудник МИД'а, кандидат юридических наук Юрий Владимирович Дубинин (затем один из крупнейших советских и российских дипломатов), был ею полностью удовлетворен – и я заработал твердое «отлично». На сем я, пожалуй, со студенческими годами покончу и приступлю к подготовке первой заграничной командировки.

Почти экзотическая Дагомея

Юность кончается не в один день – и этот день не отметишь в календаре: «Сегодня окончилась моя юность». Она уходит незаметно – так незаметно, что с ней не успеваешь проститься.

В. Каверин. Два капитана

В международной жизни 1960 год стал «годом Африки», в течение которого семнадцать бывших колоний получили долгожданную независимость. Некоторые из них добились ее раньше, некоторые позже, но это был действительно переломный момент. В том числе и для нашей дипломатической службы. Одно за другим открывались новые посольства, а ведь им был необходим и соответствующий штат. Проще всего, пожалуй, дело обстояло с послами – их набирали из местных партийных работников и других не слишком уж важных «государевых слуг». Не было проблем и с техсоставом: бухгалтеры, завхозы, водители, охранники (так называемые дежурные коменданты) готовы были ехать в любую, даже самую захолустную дыру. Везде ведь платили пусть и в местной валюте, типа западноафриканского франка (он, кстати, гарантировался французским собратом), но по советским понятиям, особенно если сильно экономить, и на «Москвичонок» («Жигулей» тогда еще не было) накопить было можно.

Гораздо труднее обстояли дела с оперативно-дипломатическим составом, в том числе с младшим звеном: переводчиками, дежурными референтами – это такие «мальчишки на побегушках», но со знанием иностранных языков. Для набора последних пришлось обратиться за помощью в МГИМО. У нас в те времена была следующая система получения знаний. И на восточном и на западном отделении мы учились шесть лет. Но не целиком – первая половина шестого курса предназначалась для прохождения профессиональной практики, а вторая на написание диплома и подготовку к выпускным экзаменам.

Но когда у МИД'а возникли проблемы с кадрами для африканских посольств, ситуация в корне изменилась. Нашего брата-студента стали брать на работу аж с третьего курса. Именно на работу, а не на практику, с оформлением всех необходимых документов, начиная с соответствующей записи в трудовой книжке и до полной выплаты жалованья как в инвалюте, так и в рублях (такое тоже полагалось – не густо, но со стипендией не сравнить). К концу четвертого курса дело дошло и до меня. Вызвали нас с одноклассником Юрой Шманевским (он был у нас один из «вожаков» – крепкий, здоровый, недаром в институт пришел после службы старшиной в военно-морском флоте). Предложили обоим поехать поработать в наше посольство в Республике Конго, которая потом стала Заиром. Естественно, мы согласились.

Началась довольно долгая бюрократическая процедура

выполнения всех необходимых для этого формальностей. Одной из главных было получение характеристики за подписью декана. Им тогда недолгое время был Вадим Константинович Собакин (крупный юрист, потом работавший в аппарате ЦК КПСС, а затем на дипломатической службе – был постпредом СССР при ЮНЕСКО). Зашли к нему с определенной робостью – вдруг у декана есть какие-нибудь придиранки к соблюдению учебного процесса (а их при желании обнаружить можно было). Постучали, заходим в кабинет, декан что-то сосредоточенно строчил в блокноте. Кивнул нам, спросил: вы по какому поводу? Узнав, что за характеристиками, велел немного подождать.

– Ну, куда собрались ехать? – раздался наконец его голос.

– Да вот, Вадим Константинович, намереваются нас отправить в Конго.

Дальше последовало неожиданное. Вместо того чтобы поинтересоваться успеваемостью или посещением (прогулами) занятий, последовал следующий вопрос: ну, давайте начистоту, сколько можете выпить, не теряя при этом головы? Обстоятельный Юрий Казимирович сразу ответил на вопрос вопросом: с закуской? Собакин даже несколько растерялся: ну, допустим, да. «Пол-литра», – спокойно отвечивал Шманевский (врал, мог и больше). «Ну а вы?» – это уже ко мне. Я тоже поскромничал и сказал: ну так граммов триста. «Ну так вот, – было заключение декана. – Вам – двести пятьдесят грамм, а вам сто пятьдесят, и не забывайте, ребята,

это Африка».

Собрав все необходимые бумажки, отправился впервые в высотку министерства (куда и теперь заглядываю, спустя пятьдесят шесть лет). И тут меня ожидал сюрприз. В кабинете кадровика сидел симпатичный человек, лет под пятьдесят, с густой, слегка кудрявой шевелюрой. Я знаю, вы собрались ехать в Конго, сказал он, а не хотели бы его поменять на Дагомею? Думаю, в силу того, что нам преподавали зарубежную географию, я о такой стране знал, но весьма поверхностно. Как выяснилось, дипотношения с этим «великим» государством мы установили в июне 1962 года, а в августе 1963-го туда был назначен посол по совместительству из Того – А.М. Кучкаров. А теперь на повестке дня стоял вопрос об открытии там собственного посольства. В этих целях на первых порах предполагалось направить туда передовую группу в составе советника (он как бы условно назывался «временным поверенным в делах», хотя юридически это неправильно – раз есть посол, то «поверенных» быть не может) и нескольких сотрудников, коих поначалу оказался один – ваш покорный слуга.

Ну а руководителем этой, назовем ее так, дипмиссии в Котону – столицу Дагомеи – был назначен мой кудрявый собеседник – Петр Михайлович Петров. По образованию он был технарь, в заграникомандировку впервые отправился во Вьетнам во время войны, где был, правда, не дипломатом, а инженером по эксплуатации авиационной военной техники.

Проявил себя хорошо, был направлен на учебу в Дипакадемию, затем работал в Индии. И вот, наконец, и первый самостоятельный пост. Почему полу? Ну, с одной стороны, есть посол, а с другой – тот к нам почти не заглядывал, а если и бывал, то... (об этом чуть позже). В итоге: мы с Петром Михайловичем друг другу приглянулись и вскоре оказались вместе в Дагомее – он чуть раньше, а я вскоре за ним.

С отлетом в эту страну вышла очередная несуразица. Это относится не к стране, а к моим попыткам хоть чуть-чуть побывать во Франции. Еще на том же четвертом курсе предложили мне поехать туда переводчиком с молодежной туристической группой по линии комсомольской организации «Спутник». Все было оформлено, паспорт с визой на руках – и вот тебе на – в последний момент по каким-то причинам, кажется, финансовым, сорвалось. И потом подобные казусы случались еще не раз. Вот и в этом случае получил я соответствующий документ и отправился в кассы «Аэрофлота» брать билет по маршруту: Москва – Париж (два дня там до следующего перелета) – Ломе (столица Того). Прихожу, а мне говорят: вот вам билет Москва – Аккра (столица Ганы) – Ломе. Я, естественно, возмутился, но объяснение было четким: мы недавно открыли прямой рейс в Западную Африку, и лететь положено только им.

Ну что ж делать? Полетел. Правда, без пересадки в Париже, но зато с кучей остановок по пути: Будапешт, Алжир, Бамако и еще что-то. И понятно: лететь было всего ничего –

чуть более двадцати пяти часов, а то, что они целиком при-
шлись на мой двадцать второй день рождения, особо не горе-
вал – как упоминалось, свои шестнадцать лет вообще встре-
тил на операционном столе. И вот, наконец, Аккра. Удуша-
ющая жара, влажность. Привезли меня в какой-то отельчик,
где в номере было более-менее прохладно, поскольку рабо-
тала какая-то до тех пор не известная мне штукавина под на-
званием кондиционер. Затем мне пришлось прожить с ним
многие годы, но тогда это была неожиданная новинка. На
следующее утро сел на маленький самолетик местной авиа-
компания и отправился в Того, где меня с нетерпением ждал
Петр Михайлович. Прежде всего потому, что владел он толь-
ко английским языком, а в тех краях его понимали немногие.

В Ломе меня поместили в небольшую комнатку в по-
сольстве с «лампочкой Ильича» на потолке без абажура и с
матрасом на полу. На полученные подъемные я приобрел, в
частности, сандалии без задников (они, среди прочего, упо-
минаются и в самой нашей «драматической» истории со сно-
сом машины в океан – см. «Петуха») и детектив Агаты Кри-
сти «Десять негритят» на французском языке. До сих пор
помню, с каким интересом я его читал, лежа на этом самом
матрасе, под раскачивающейся от сквозняка лампочкой.

Где-то через пару дней переехали к нашему постоянно-
му месту жительства в стольный град Котону. Относитель-
но местной экзотики можно, к примеру, упомянуть, что
немалая часть столичных жительниц разгуливали по улицам

topless, то есть без такой еще не прижившейся у них части женского туалета, как лифчик, он же бюстгальтер. Поселились мы на первых порах в отеле. Счета за пребывание в нем оплачивались государством. А вот все остальное – нет. А хотелось, в частности, кушать. При гостинице был симпатичный французский ресторанчик, но питаться в нем советским дипломатам, не говоря уж о дежурных референтах, было не по карману. Пришлось перебиваться сухими пайками. К счастью, это продлилось не так уж и долго. В результате энергичных поисков удалось нам на временный период арендовать прекрасную современную виллу под посольство и жилье. Их построили несколько штук незадолго до этого к некоему международному форуму на высшем уровне в рамках Организации западно-африканского содружества.

Вот это была совсем другая жизнь. В особняке, расположенном совсем недалеко от океана, были большая гостиная, кабинет, кухня и три спальни. Все прекрасно оборудованы, с мебелью, холодильниками, кондиционерами и прочими прелестями европейского быта. Прожили мы в нем несколько месяцев, и это была, к счастью, совсем не атмосфера африканской экзотики. Ну а теперь, пора уже, перехожу к описанию нашей трудовой деятельности.

Конечно, прежде всего мы занимались нашей основной «логистической» задачей: поисками помещений для будущего посольства, жилья для его персонала, закупкой всего необходимого оборудования от автомашин и мебели до кан-

целярских товаров. Но следили, естественно, и за внутренней политической обстановкой в этой, хотел было написать «банановой» республике, а потом передумал и выбрал прилагательное «ананасной». Этот экзотический фрукт мне доводилось пробовать и в Москве. Но то, что он бывает в таком разнообразии – от крошечных (они-то и были самыми вкусными) до где-то размером до полуметра, я и не подозревал. Но вернемся от ананасов к политическим реалиям. Ситуация в Дагомее в тот период развивалась, по выражению нетленного Остапа Бендера, «стремительным домкратом».

Мы прибыли туда, когда у власти стоял президент Юбер Мага. Но не застали его – он в тот момент находился во Франции. Сместил его полковник Согло (надо же, я не помню, что вчера готовил на ужин, а тут, на тебе, все африканские фамилии остались в памяти, даже без нужды заглядывать в Интернет) в ходе военного переворота. Это событие или, по крайней мере, одна его часть происходило на наших глазах. Особняк, в котором мы жили (и, увы, через некоторое время переехали в гораздо более скромные помещения), находился на перекрестке двух дорог. Одна из них, основная, шла от аэропорта к центру города, вторая спускалась вниз к океану. Ну и надо же было так случиться, что противоборствующие силы встретились «лоб в лоб» именно на этом перекрестке. В парадной гостиной нашей резиденции одна стена, выходящая именно на него, представляла собой пластмассовые жалюзи – можно было их целиком поднять,

можно наполовину или совсем закрыть. Соперники стоят, нацелив автоматы друг на друга. Одни из них направлены и в нашу сторону, которая снаружи выглядит как каменная стена, а на самом-то деле – пластик. Можно было, разумеется, уйти на другую сторону и спокойно выпить там виски с содовой. Но как же советским дипломатам пропустить такое событие? Мы с Петром Михайловичем закрыли жалюзи где-то до двадцати сантиметров от пола, а сами легли на него, чтобы воочию наблюдать за очередной, как сейчас бы сказали, «оранжевой революцией». Но все обошлось без стрельбы – стороны «побазарили» и довольно мирно разошлись.

Петр Михайлович, как думается, описал все это в подробностях в соответствующей телеграмме в центр. Я тогда в этом процессе по молодости лет еще не участвовал. Хотя в дальнейшем и мне пришлось к нему приобщиться. Внутриполитическая мозаика в Дагомее перекладывалась с впечатляющей быстротой. Полковник Согло передал власть гражданскому президенту Суру-Миган Апити. Того вскоре сменил Жюстен Ахомадегбе, но только на парочку дней, так как все тот же полковник Согло вновь решил навести порядок в этой политической чехарде и снова взял власть в свои руки. Так что фактуры для регулярных докладов в центр хватало. Но...

Сам официальный посол в Дагомее Анвар Марасулович в вверенную ему страну заглядывал не часто, в основном в мирные периоды, да и то не для общения с местным руко-

водством. Основной целью его визитов был местный рынок, где он коробками закупал дешевую бижутерию и шелковые отрезы. Почитал в Интернете его биографию – достойнейший человек, был министром культуры Узбекистана, секретарем Бухарского обкома КПСС. А затем вдруг был отправлен на «повышение» послом в Того, позже присовокупив к нему еще и Дагомею. Перед этим его, правда, «раскулачили» – отобрали несколько домов и отар овец. Хотел было написать еще кое-что о его «художествах» на родине, о которых мне почему-то рассказывала его жена – Хатира Абидовна (не с кем ей, видимо, было пооткровенничать), да решил не изводить зря бумагу.

Ну а наша трудовая жизнь в Котону продолжалась. По мере создания условий для размещения стали прибывать сотрудники посольства. Первыми были секретарша и завхоз – водитель с женой, а потом подтянулись и немногочисленные дипломаты. Пара мидовцев и один 2-й секретарь Николай Константинович Мотин (такая у него на тот момент была чуть измененная фамилия – из-за высылки из Швейцарии), который привез мне письмо от отца. Там, в частности, говорилось: это наш человек, окажи ему на первых порах возможное содействие. Послание заканчивалось словами о необходимости его сжечь. Вне зависимости от службы мы с Николаем Константиновичем и его женой Эльзой подружались, да и кое-какие дела вместе делали.

У меня к тому времени в Котону была масса знакомых,

к некоторым из которых он проявил интерес, оказавшийся взаимовыгодным. Николай Константинович (мы были на «ты», но я в основном звал его по имени-отчеству, так как он был почти на двадцать лет старше меня) выдавал мне денежные средства для приготовления достойного ужина (сам я себе подобное позволить не мог), на который приглашались некоторые из заинтересовавших его персон, ну и он сам, разумеется. Неоднократно заглядывал в Дагомею из Того Лев Николаевич Спиридонов (он, как и посол, был «старшим» по своей линии по обеим этим странам). Вот с ним мы на «ты» были уже полностью – я звал его не Львом Николаевичем, а просто Левой (разница в годах – десять лет, а жена Наташа – моложе его).

Снова заглянул в Интернет. Что же там сообщают о Спиридонове? Партийный деятель, журналист. В конце 50-х годов был зам. председателя комитета Молодежных организаций СССР. А потом в 60–65 годах находился на дипломатической работе (Того, Дагомея). Тут необходимы мои пояснения – в тот период МГБ возглавляли комсомольские работники: Шелепин, Семичастный. И во внешнеполитическую разведку старались взять свои кадры. Так среди них оказался и Лева. После своей единственной заграничной командировки ему удалось уйти из органов (редкий сам по себе случай) и ступить на журналистскую стезю: одиннадцать лет он возглавлял редакцию «Московского комсомольца», четыре года был первым замом главного редактора «Правды», а перед

развалом Советского Союза несколько месяцев стоял во главе ТАСС. Умер Лева в 2009 году.

Ну а теперь вернусь ненадолго к своей деятельности в Дагосте. До приезда парочки дипломатов я занимался в посольстве всеми вопросами, кроме, разумеется, составления шифртелеграмм. Хотя, как оказалось, и к ним имел некое отношение. Помню, один раз поручили мне отвезти в Ломе запечатанный пакет с какими-то бумагами и отдать его лично послу. Того в посольстве не оказалось – устал и отдыхает в резиденции. Отправился туда. Анвар Марасулович принял меня в спальне. Вскрыл пакет, посмотрел и сказал: нет, это слишком много. Идите в холл и сократите все наполовину. Ну, что делать? Пошел и на собственное усмотрение укоротил депеши в Москву. Вот такой был мой первый опыт в этой области. А уж сколько потом за десятилетия мне пришлось с ними заниматься – и самому писать, и править, и сокращать и т. п. Но начало было все же положено именно в Того. По мере того как я набирался дипломатической практики, мне и в Котону поручали подготовить некоторые информации и справки. Не слишком важные, конечно, но все же достаточные для того, чтобы в характеристику по окончании срока командировки внести фразу «принимал участие в подготовке информационно-справочных материалов».

Наконец подошло время отъезда на родину. Совпал он с очередным отпуском Спиридонова. Ему разрешили на рейсе Аккра – Москва на несколько дней остановиться в Алжи-

ре – до следующего самолета. Он договорился, чтобы и мне это позволили, и отправились мы вдвоем в весьма забавное путешествие. Из Ломе на автомашине добрались до Аккры, где остановились в достаточно обширной квартире Левиного коллеги. Если не ошибаюсь, а возможно и так, это был Роберт, с которым я в первый раз ел лягушек в Того. Он тогда был советником по безопасности у президента Ганы Кваме Нкрума. Ну, а если не у него, то у какого-то другого достойного человека. Дело-то ведь не в этом – главное, что хорошие условия для проживания нам на пару дней предоставили. Ну и как мы со Львом Николаевичем (прошу не путать его с графом-писателем) распорядились свободным временем?

Пошли, как положено, приобрести какие-то сувениры для Москвы. И кто-то нам подсказал: единственное стоящее, что можно купить здесь, – это презервативы, настоящие английские, и стоят копейки. Отправились в поход по аптекам. «Дую хев презервативз?» – вопрошал я на слабо в то время знакомом мне английском языке. И повсюду получал невнятные отказы. Оказалось, у них они называются «condoms». В конце концов выяснили это загадочное слово и приобрели необходимый товар в достаточном количестве. Хватило даже для того, чтобы к приходу хозяина квартиры надуть, разрисовать и повесить к потолку несколько штук для придания ей необходимого колорита.

Ну а потом – аэропорт и рейс Аккра – Москва через Алжир. Незадолго до убытия в родные края приобрел я себе

довольно модную обувь. До отлета была она вроде бы по размеру. Но после не совсем праведного пребывания в Аккре, а затем и многочасового перелета – оказалась вдруг мала. Скинул я ее в самолете, а вот перед посадкой надеть обратно не смог. Не влезали ноги в новые шикарные ботинки. Пришлось отдавить им задники и обуть в виде тапочек. Так и спустился в них в Алжире. Поэтому первым незапланированным мероприятием было срочное приобретение мягких мокасин. Спасибо, они потом еще долго мне служили.

Алжир. Первая моя настоящая «заграница» (Финляндию я в счет не беру – слишком мал был). Это вам не «черная» Африка. Тогда еще это был кусочек Франции (исход из нее многочисленных французских поселенцев – так называемых *pieds noirs* – случился позже). Сама по себе столица, уступающая спускающаяся с вершин к Средиземному морю, и широкие проспекты, и узенькие улочки, ресторанчики, магазинчики и прочий, как мне тогда казалось, французский шарм, были очаровательными. Поселились мы севой сначала в довольно скромной гостинице. Даже у него особых средств не было, а что уж говорить обо мне. Но на следующий день он появился со словами: хватит нам тут ютиться – перебираемся в нормальный номер. Я, конечно, был немного удивлен – с чего бы это такая расточительная роскошь? Лева объяснил, что какое-то время назад он одолжил коллеге довольно значительную сумму (весьма относительную по нынешним понятиям, ну, может, двести-триста долларов), а сейчас тот,

находившийся в Алжире, ему ее вернул.

Помимо переезда мы со Львом Николаевичем сходили пару раз в довольно приличные алжирские рестораны, в одном из которых я впервые отведал незнакомое мне блюдо – кускус (не тот, конечно, который я впоследствии неоднократно ел на обедах у короля Марокко), и тогда оно на меня произвело весьма вкусное впечатление. Долго бродили, искали кольцо с аквамаринном для Наташи, почему-то ее мужу надо было приобрести именно его. А я-то и название этого, не слишком дорогого камня тогда тоже услышал впервые. Ну и напоследок – очередной забавный случай.

Во время нашего пребывания в Алжире там проходил фестиваль советских фильмов. Гвоздем программы была недавно вышедшая на экраны (1963 год) «Оптимистическая трагедия», где в главной роли блистала Маргарита Володина. Сейчас о ней мало помнят. Но ведь она народная артистка РСФСР, еще жива – ей восемьдесят один год, и пребывает она сейчас у дочери во Франции. Но тогда-то она была звезда, которую все вроде бы должны были знать в лицо. Ан нет – мы с Левой к таковым не относились. Завтракаем в ресторане нашей гостиницы. И вдруг за соседний столик подсаживается молодая симпатичная женщина – на первый взгляд, типичная француженка. Во всяком случае, поначалу мы почему-то так решили. А посему позволили себе на родном нашем русском языке высказать кое-какие весьма лестные, но в то же время несколько фривольные комментарии

в ее адрес. Она вроде бы и взглянула чуть-чуть в нашу сторону, но особых эмоций не проявила. И тут появился мой сокурсник – все тот же Юрий Шманевский, с которым мы вместе чуть было не уехали в Конго. Он-то туда отправился, но через недолгое время после переворота и сокращения аппарата посольства был переведен в Алжир. Подошел Юра к нашему столику, поприветствовал, а затем заметил нашу соседку. «Ой, это же сама Маргарита Володина!» Он нас ей представил, мы пересели к ней за столик, мило побеседовали с полчасика и разошлись. А на следующий день улетели в Москву. С Левой мы там позднее несколько раз встречались, по-соседски – он жил рядом в сталинской высотке.

А потом наступили иные времена.

И снова Африка

Вернулся я из Дагомеи в свой родной ВУЗ – на заключительный, шестой курс. Сдал экзамены по пропущенным дисциплинам, подготовил дипломную работу на тему «Экономика Дагомеи» и завершил свое образование в особняке на Крымской набережной. Сейчас у нашего института есть свой новый гимн, написанный Сергеем Викторовичем (в личном общении – Сережей) Лавровым. Я, к стыду своему, его, то есть гимна, а не министра, не знаю. А вот из своих давних времен кое-что припоминаю: «За окном проносились рощи и кирпичные старые здания, а я помню все Крымскую площадь, до свидания, МГИМО, до свидания!» И другое: «Вот курс пройдет, и мы пойдем жизнь вышагивать брючками узкими (мода тогда была такая у пижонов. – Ю.К.) за Крымский мост, за тыщу верст, где нечасто встречаются русские».

Вот так и со мной. Снова отправился за тысячу верст в Африку. Происходило это так. Из посольства в Дагомею я получил блестящую характеристику, в коей рекомендовалось назначить меня сразу атташе в какую-нибудь приличную страну. Действительность оказалась суровее. На приемной комиссии в МИД подняли мое институтское досье с выговором за «игру в карты» и сказали: таким в нашем министерстве не место. Ну ладно уж, в порядке исключения можем вас направить на работу в наше посольство в Мали. И

тогда, наверное, я понимал: нужен был предлог – на тот период это была одна из самых неблагоприятных для пребывания стран, и желающих ехать туда по доброй воле (за исключением техсостава) было немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.